

Единственная для визиря

Автор:

Дарья Ратникова

Единственная для визиря

Дарья Ратникова

Желтолицые ирханцы отняли у Амлон всё, лишили родителей и дома, оставив только ненависть. Теперь она – рабыня, собственность Повелителя. Её ждёт участь игрушки властного и жестокого визиря, правой руки шейма. Но она не смирится, даже если предстоит выдержать битву с собственным сердцем.

Дарья Ратникова

Единственная для визиря

Пролог

К небу вздымались клубы дыма. Горели дома и хижины, слышались крики и лязг мечей. На пятый день арба, первого месяца весны, ирханцы устроили набег на Тарс. Амлон бежала вперёд, так быстро, как только могла. Всю волю, что была в ней, она собрала в кулак. Надо успеть раньше врагов, предупредить горный посёлок, куда сегодня с ночёвкой ушла мать и двое маленьких братьев. Она старалась не плакать, ведь слёзы мешают бежать, старалась не вспоминать, как на её глазах упал замертво отец. Каким-то чудом она увернулась от рук желтолицего с кривым ятаганом и бросилась прочь, в горы. Белое платье мешалось, путалось между ног. Пропади они пропадом, эти ирханцы! Они специально выбрали праздничный день, чтобы напасть. Жители не ждали беды, одели все свои самые красивые одежды и праздновали наступление весны и

тут... Дикие крики, топот копыт и эти желтолицые...

Амлон споткнулась. Платье зацепилось за ветку. Она дёрнула нетерпеливо и вдруг услышала топот копыт. Обернулась. Из-за поворота её настигал всадник с обнажённым ятаганом, нестерпимо горевшим алым на солнце. Ей показалось, что это кровь. Дыхание на секунду остановилось, потом она снова вспомнила, как дышать, вырвала своё несчастное платье из цепких лап кустарника, и бросилась вперёд, к горному селению, уже заранее зная, что опоздает, не успеет добежать.

Была бы она на горной тропе, несомненно бы выбрала смерть, предпочла её бесчестному плену, но здесь, среди колючего кустарника, бежать было некуда. Амлон кинулась вперёд из последних сил. В ушах звучал топот копыт похоронным звоном, а глаза застилало пеленой. Она чувствовала, как болит грудь, как каждый вздох раздирает горло. Но трижды лучше умереть сейчас, чем попасть в плен к нечестивым ирханцам!

Но умереть ей не дали. На грани между явью и забытьём, её схватили крепкие мужские руки. Она не слышала слов, да и всё равно не понимала на их жестоком наречии. Попыталась вырваться, но тело отказывалось подчиняться ей. Несколько мгновений и спасительное забытьё накрыло её. Перед этим Амлон только взмолилась Всевышнему о том, чтобы ей умереть быстро и без боли. Смерть была бы лучшим выходом для неё. В Ирхане нет будущего. Только смерть или то, что страшнее смерти.

Глава 1

Амлон

Амлон очнулась. Было темно. Пахло восточными пряностями и ещё чем-то неуловимым. Она пошевелилась и поняла, что руки и ноги у неё стянуты мягким, но прочным подобием верёвки. Чтобы не убежала. Значит она в плену. Она лежала на чём-то мягком, наверное, на подушках. Сквозь небольшую щёлку

пробивался луч света. Видимо, она внутри какой-то повозки. Всем телом Амлон чувствовала движение, хотя оно и было смягчено подушками. Жить не хотелось. Плохо было так сильно, что она едва сдерживалась, чтобы не завывать в голос.

Вспоминалась размеренная жизнь в посёлке. Отец копил деньги, чтобы переехать в город, под защиту крепостных стен. Говорили, что в городе царят совсем другие нравы. Женщины там каждый день одеваются как на праздник, а мужчины – помадят волосы и пользуются духами. Это, конечно, были слухи. Но сама Амлон никогда не была в городе, лишь с лёгкой грустью смотрела на знакомых, которые уезжали, иногда пустые, иногда со всем нехитрым скарбом, но никогда не возвращались. Что скрывать – ей тоже хотелось в город. И отец копил, надеясь переехать. Но он не успел. Как и она. Интересно, жива ли мама и братья? Увидит ли она их когда-нибудь? Хотелось плакать.

Вдруг повозка остановилась. Амлон поняла это, когда перестала вдруг чувствовать движение. Дверца открылась, в глаза хлынул яркий свет. Она невольно зажмурилась, а потом услышала с акцентом сказанное:

– Еда.

– Не буду есть! – Она помотала головой.

– Надо есть, – жёсткий громкий голос с характерным восточным акцентом больно резал по ушам. – Повелитель не любит тощих. Не будешь есть – будем кормить силой.

Дверь захлопнулась, оставив её снова без света. Амлон вздохнула. Кормить насильно... Нет она не согласится на это. Они будут прикасаться к ней, и она всё равно не сможет им сопротивляться. Зато если наберётся сил после еды, возможно, придумает, как выбраться. На ощупь она нашла тарелку и странную изогнутую ложку в ней. Потом пошарила ещё. Рядом с тарелкой обнаружился кусок хлеба и бутылка с чем-то. Она попробовала еду и скривилась. Было терпимо, но очень странно и непривычно – много пряностей, овощей и какое-то мясо, странное на вкус. Может быть, конина или харом – ручная ящерица. Что-то необычное. Хлеб был сладким, а в бутылке оказалось кислое молоко. Съедобно, но очень непривычно. Теперь её ожидает только непривычное и ужасное. Если вспомнить рассказы, которые ходили об Ирхане, становится ещё страшнее. Мужчины там имеют несколько жён, которые нисколько не стыдятся выставлять

напоказ своё тело. А девушки там все либо рабыни, либо жёны, что немногим лучше. Ни за что она не согласится на такую участь. Лучше смерть!

Но умирать её здоровый, хоть и истощённый нервно организм, не собирался. Амлон покорно пила, ела и спала. Говорить ей было не с кем, во время коротких стоянок гулять ей не позволялось, так что она изображала покорность и набиралась сил. В темноте всё чаще и чаще всплывали воспоминания из прошлого.

...Вот мать с отцом улыбаются и обнимают её, а младший братишка Рамех лезет на колени, заливисто хохоча.

...Вот она играет во дворе вместе с подругами. Они нянчат своих новых тряпичных кукол и мечтают о том времени, когда им исполнится восемнадцать, брачный возраст. Тогда начнётся пора свадеб. Кто-то уже в шестнадцать, смущаясь, говорил родителям, какой юноша в деревне им по душе, а кто-то, как она, не мог определиться. Ей остался месяц до брачного возраста и тогда родители наняли бы сваху. Она пошла бы по селению с шутками, да прибаутками, отмечая особо те дома, в которых был жених подходящего возраста. Свахи в селении было несколько. Их любили и уважали. Сваха могла по румянцу на щеках, смущённой улыбке, по дрожи ресниц, угадать, кто кому мил. Вот, может быть, и она кому-то была бы мила, может быть и её кто-то любил так сильно, что захотел бы ввести в свой дом. А теперь всё это ей не суждено. Она хотела навеки быть связанной с одним единственным мужем в храме Всевышнего, а теперь она станет рабыней, товаром, за который будут платить деньгами.

Амлон вздрогнула. Она обязательно найдёт способ или сбежать или умереть. Ведь бесчестие хуже смерти. Всевышний не оставит её в испытаниях.

Дорога была очень долгой. Амлон казалось, что прошло несколько недель, а может и месяцев. Раз в неделю ей надевали повязку на глаза и отводили в нечто вроде походной бани, где такие же девушки, будущие рабыни, как она, молча мылись. Сбежать было невозможно – за дверью огромного шатра, приспособленного под баню, дежурила стража. Девушки были из разных деревень, захваченных и выжженных по пути ирханцами. Они все были напуганы зверствами желтолицых и сломлены. Пока они мылись, за ними наблюдала пожилая добродушная женщина, которая, впрочем, не разрешала разговаривать. В руках у неё была острая палка с иглой на конце, которой она

тыкала в тех, кто осмеливался заговорить. И всё же из недомолвок, объясняясь знаками, Амлон поняла, что везли их всех в подарок Повелителю – шейму всей Ирхании. Завоеватели возвращались домой с трофеями, главными из которых были они, самые красивые девушки Тарса.

Несколько раз, завязав глаза, её пересаживали из одной повозки в другую. Один раз даже они плыли по морю. Пока её вели в роскошную каюту, показавшуюся ей тюрьмой, она ощутила солёные брызги на лице. Она видела море всего один раз в жизни, в детстве. Тогда отец с матушкой ещё жили возле него. А потом... Рыбы стало не хватать, постоянные бури сносили утлые лачуги рыбаков, а в довершение ко всему появились пираты. И отец переселился в деревушку, подальше от моря. Он был мастером на все руки – мог рыбачить и дом срубить умел, поэтому его быстро начали уважать. А где уважение, там и достаток. Отец...

Амлон вздохнула и вернулась к действительности. Ирханцы обращались с пленницами хорошо – кормили, позволяли мыться, не били. Конечно, они же самый ценный товар! Но и сбежать никакой возможности не предоставлялось. Их хорошо охраняли, а путы на руках и ногах были очень прочными. После путешествия по морю, когда её свели на берег с корабля, завязав глаза, Амлон поняла, что она уже в Ирхане, в чужой недружелюбной стране. Здешний язык был ей незнаком, а среди запахов присутствовали те же пряности, что и в её еде. Отчаянье охватило её с новой силой. Если в дороге она молилась и ещё надеялась, что случится что-то непредвиденное, да хоть корабль утонет или на ирханцев нападут разбойники, то по прибытии в суровую жестокую страну желтолицых, надежда исчезла. Даже если теперь ей и удастся сбежать, долго во враждебной стране она не выживет, да и спрятаться здесь негде. Но Амлон старалась не предаваться без остатка отчаянью. Всевышний поможет ей, если только она не будет унывать и попытается сохранить трезвую голову, чтоб использовать любую возможность. Другого пути она всё равно не видела.

Через несколько дней, её путешествие наконец закончилось. Её вывели из повозки и сняли повязку. Перед ней предстал дом, непомерно огромный, с роскошными коврами, вазами, статуями и ещё тысячей предметов, для которых она не знала названий. Дом был похож на целое селение, с садами, фонтанами, парками, полными огромных деревьев и душистых плодов. А всё это венчал решетчатый купол, через который проникало солнце. В доме было прохладно, в отличие от улиц Ирхана, на которых можно было умереть от жары. Желтолицый страж развязал ей руки, развернулся и ушёл, не сказав ни слова. Его шаги

гулким эхом отражались от каменных стен дома. И тут ей по-настоящему стало страшно. В Тарсе такого дома-дворца не было, наверное, даже и у короля. Неужели её привели к повелителю? От этой мысли стало дурно, а ноги затряслись от слабости. Она осмотрелась по сторонам, как раненый зверь, надеясь найти место, в котором можно спрятаться. Но ничего. Она стояла посреди абсолютно пустой и огромной залы с несколькими дверями по бокам.

Амлон сделала шаг к одной из дверей, когда та распахнулась. Вошла женщина среднего возраста в традиционном ирханском то ли платье, то ли халате.

- Ох! - Она всплеснула руками. - Ещё одну привезли по мою душу.

Она говорила на тарсийском с сильным акцентом, но довольно хорошо. Стало легче. Хоть кто-то в этой стране говорил на родном языке.

- Пойдём, деточка, я приведу тебя в порядок.

- Это - дом повелителя? - дрожащими губами выговорила Амлон.

- Что ты? Аим с тобой! - Расхохоталась женщина. - Это дом моего сына. Хотя ты небось в своей деревне такой роскоши никогда и не видела. Конечно, откуда тебе. Пойдём. Я приведу тебя в порядок. Сегодня ешь, пей, отдыхай, а завтра предстанешь перед повелителем.

- А зачем я ему? - Амлон знала ответ, но всё равно спросила, пока эта большая добродушная женщина куда-то вела её темными анфиладами.

- Ты смеёшься? Повелитель любит красивых девушек. Самых лучших отбирает к себе в гарем, остальных - куда придётся.

- Но я не хочу в гарем.

- Какая же ты ещё глупая! - Вздохнула женщина. - В гареме красота! Роскошь, покойно, уютно, не нужно думать, как прокормиться и во что одеться. Повелитель следит за достатком каждой наложницы, сыта ли она, красиво ли одета, всего ли ей хватает. Наложницам, прожившим в гареме более десяти лет, разрешают выходить за стены дворца и даже дают свободу. Была бы я чуть

помоложе, – мечтательно вздохнула женщина. – Ты просто поверь – быть наложницей повелителя, это лучшая участь, которая ожидает такую красивую девушку, как ты.

– Но я не хочу быть наложницей! – Упрямо повторила Амлон. При мысли об этом всё в душе переворачивалось. Не нужна ей эта приторная роскошь восточного сада, эти вкусные пряные блюда, эта вся роскошь и жар востока. Домой бы, в тенистый садик и чтобы отец с матерью и братишками были рядом!

– Ты упряма, как два икла! – Всплеснула руками женщина. – Упрямых повелитель не любит. Ему нужны покорные. Упрямым дорога туда, куда не приведи Аим попасть!

Амлон не стала спрашивать куда. Ей и так казалось, что Ирхан – самое страшное место из всех, куда можно попасть и при жизни и после смерти. Что может быть страшнее? И неужели если будет выбор между гаремом и улицами, она выберет гарем и бесчестье? Нет! Не приведи Всевышний ей так сойти с ума!

А женщина между тем привела её в купальню, раздела, заставила залезть в большую ванну, наполненную водой до краёв, дала каких-то солей и притираний и попросила отмыться как можно тщательней – завтра встреча с повелителем. Амлон послушалась. Она любила воду и холодную и горячую. Если бы можно было плавать всю жизнь, не выходя на сушу... Она закрыла глаза и вспомнила любимую деревню, отца, мать, братьев. Вода позволяла расслабиться и забыться ненадолго, чтобы не сойти с ума от отчаяния и осознания того, насколько она теперь далека от родины. Здесь, в Ирхане у неё нет ни родных, ни друзей, ни одного человека, который пожалел бы её. Даже вот эта, вроде бы, добрая женщина, искренне не понимает её горя.

После ванны женщина причесала ей волосы и заставила померить несколько платьев. Амлон вела себя как кукла, послушно разрешая надевать на себя всё, что нравится той. Правда, платья казались ей слишком уж открытыми, и она неуютно себя в них чувствовала, словно голая. А женщина вдруг всплеснула руками:

– Ох! Наконец-то я нашла платье под твои тёмные волосы. – И она с гордостью подвела Амлон к большому овальному зеркалу. Амлон удивлённо всмотрелась в него. И эта девушка в длинном голубом платье, едва перекинутом через плечи

двумя ремешками и с пышными тёмными с красноватым отливом волосами – и есть она? Разве такое возможно? – Ты смотри-ка, какая красавица! Повелитель будет зачарован тобой! Пусть все знают, что причёсывала тебя и одевала старая Камиле! – И она гордо подняла голову.

Амлон вздохнула и отвернулась. Если повелитель будет в восторге, она обрежет свои волосы, перемажет лицо сажей и порвёт платье, лишь бы её не взяли в гарем. Но Камиле вилась вокруг неё, восторженно вздыхая и Амлон молчала, делая вид, что ей тоже нравится платье. Не хотелось обижать старую женщину. Она сделает завтра то, что хотела.

После примерки её отвели в комнату, полную странной диковинной пищи и ещё более странных фруктов. Она попробовала всего по чуть-чуть и поняла, что наелась. Тогда Камиле отвела её в маленькую комнату с кроватью посередине. Амлон услышала, как повернулся ключ в замочной скважине. Её оставили одну. Она осмотрела комнату. Ничего острого, никаких предметов. В комнате не было даже окна. Свет исходил из маленького зарешеченного отверстия высоко под потолком. Ей туда не добраться, не сбежать. Амлон залезла с ногами на кровать. Спать не хотелось. Что теперь делать? Как ей выбраться? За всю дорогу ей не представилось ни малейшего случая даже попытаться сбежать. Стерегли их очень хорошо. А сейчас она заперта в комнатке без окон, где нет даже мебели. Она осмотрела каждый уголок, заглянула и под кровать, но не нашла ничего, что могло бы помочь ей сбежать. Отчаянье захлестнуло с новой силой. Завтра её покажут повелителю и что бы он ни решил, её старой жизни придёт конец. Всевышний, не допусти этого! Амлон сжала зубы, чтобы не расплакаться и обхватила колени. Так она и сидела, иногда впадая в дрему, пока за ней не пришла Камиле.

– Пора. Солнце встало. Повелитель ждёт тебя.

Амлон чувствовала своё тело, как будто оно стало вдруг чужим. Камиле одевала её, обувала, расчёсывала волосы, а у неё в голове билась одна мысль, что надо сбежать, это её последний шанс.

– Ну вот, теперь ты совсем красавица. Повелитель будет доволен тобой. Лучше даже чем вчера. Подожди, я принесу тебе притирания. Твоя кожа будет пахнуть так, что никто не устоит, – и прежде чем она успела возразить, Камиле выскользнула из комнаты.

Амлон огляделась. Перед ней стоял столик с различными инструментами, которыми ей подравнивали ногти и расчёсывали волосы. Она искала хоть что-то, хоть малейшую зацепку, чтобы если не помочь себе в побеге, то хотя бы изуродовать себя так, чтобы не понравиться повелителю. Что будет потом, она не думала. Главное – не попасть в гарем. Но ни ножниц, ни баночки с краской, чтобы вылить её на лицо или волосы она не нашла, только тоненькую и маленькую палочку, острую с обоих концов. Ею можно было пропороть дыры в ткани, но вряд ли возможно повредить кому-то. Но она на всякий случай спрятала её за поясом платья. Благо пояс ей подобрали широкий, расшитый красивыми блестящими камнями.

Когда Камиле вернулась, Амлон всё так же стояла, рассматривая причудливую мозаику на стенах. Ей втёрли в волосы и руки какую-то странную жидкость, которая пахла так, что у неё закружилась голова, а потом Камиле отошла оглядеть творение своих рук.

– Какая же ты красавица! – Восхитилась она. – Мне в твои годы далеко было до тебя. Только очень уж бледная. Ну да у вас страна суровая северная, солнышко, наверное, ты редко видела.

Амлон хотела защитить свой родной и любимый Тарс, но сдержалась. Слёзы наворачивались на глаза при одной мысли о родине.

Через несколько минут за ней пришёл желтолицый воин с алым ятаганом на поясе. Он что-то сказал Камиле, и та поклонилась ему. Он жестом указал Амлон идти за собой. На этот раз её не стали связывать. Испугались, наверное, испортить красоту для повелителя. Амлон тихо попрощалась с Камиле. Возможно, она никогда не увидит эту женщину, единственную, что была добра к ней в этом чужом и негостеприимном краю.

На улице было шумно, ярко светило солнце. Чужой говор, крики торговцев, лай собак, ржание лошадей – всё это оглушило её настолько, что она растерялась и пришла в себя лишь в повозке, когда та уже тронулась. Удачный момент для побега упущен. Амлон расстроилась, но лишь на мгновение. Может быть, получится выскочить из повозки? Двигалась та очень медленно, постоянно останавливаясь. Она слышала щёлканье кнута и громкий крик погонщика. Воин, который забрал её из дома Камиле, наверное, сидел снаружи, но вот где именно? Она осмотрелась – повозка была сделана из мягкой ткани, без окон. Единственная дверца, через которую она вошла внутрь оказалась заперта.

Амлон вытащила из-за пояса острую палочку и попыталась прорезать ткань. Как на чудо, дыру в ткани проделать получилось легко.

Но что дальше? Эта странная палочка непонятного назначения никак не была похожа на нож. Амлон попробовала расширить дыру руками, получилось с трудом, но всё же ткань поддавалась. Наконец, она выглянула в импровизированное окно. Они проезжали по широкому мосту над синей лентой реки. Суতোлка была такая, что выпрыгни она из повозки сейчас – и шагу бы не смогла ступить, не рискуя быть раздавленной копытами или получить бичом по плечам. Надо выждать удобный момент.

Наконец, они проехали мост. Народу на улице стало меньше, но повозка вдруг почему-то опять встала. Вперёд. Это её единственная возможность. Амлон сложила молитвенно руки, потом сжала губы, подняла подол платья повыше и вылезла через прорезь в повозке. Повозка была низенькой, с маленькими колёсами. Прыгать не высоко. Едва её ноги коснулись земли, она бросилась бежать так быстро, как могла, петляя в поворотах многочисленных улочек. Кажется, её побег всё-таки заметили, потому что она услышала какие-то крики за спиной и топот погони. Надо куда-то скрыться. Воздуха в лёгких уже не хватало, солнце пекло нещадно. Если она не убежит от погони, то хотя бы свалится от солнечного удара, похудеет, подурнеет от болезни и повелитель не обратит на неё внимания, и она припустила ещё сильнее. Переулок, поворот, потом ещё поворот. Кажется, оторвалась. Она немного замедлила бег и огляделась. Она стояла на маленьком тенистом дворике возле маленького разлапистого дерева с большими сочными плодами. Её окружало несколько лачуг, а посередине была арка. Там, наверное, выход в другие дворы. Она собрала всю волю и кинулась туда. И вдруг запуталась, как муха в паутине.

Под аркой было темно, и она не сразу поняла, что её схватила и цепко держит какая-то старуха. Амлон молча и яростно вырывалась, а старуха наоборот кричала что-то на неизвестном языке, громко кричала и держала цепко. Вдруг старуха перестала кричать. Амлон повернулась туда и замерла. Во дворик входил воин с ятаганом, тот самый, который вёл её. Он кинула старухе мешочек с монетами, подошёл и грубо рванул девушку на себя, потом взял за руку, сжав её до боли и потащил за собой. Амлон шла молча, кусая губы. По щекам катились слёзы. Лучше бы её убили на месте! Последняя возможность была упущена. Теперь за ней будут присматривать строже и ей уже не представится случая сбежать.

Воин привёл её на площадь, силой затащил в повозку. Амлон отрешённо отметила, что повозка была другой, из более плотной ткани, потом сел рядом с ней и всю дорогу держал её за руки, да так, что они начали затекать. Наконец, повозка остановилась. Воин вытащил её на улицу и повёл в огромное здание. Оно было великолепно. Настолько огромное, величественное и красивое, что заслоняло небо своим куполом. Оно отличалось от дома сына Камиле, как дворец в Тарсе от их с родителями лачуги. У неё даже на секунду захватило дух. Но потом воин больно дёрнул её за руку и громко выругался. Она поняла это по тону голоса.

Они вошли внутрь, но воин не дал ей осмотреться. Он повлёк её за собой, всё дальше и дальше по бесчисленным коридорам и анфиладам. Наконец, перед огромными дверями, обитыми золотой тканью со сложным рисунком, он оставил её. Амлон подняла голову и увидела, что она тут не одна. Она стояла в толпе девушек, таких же рабынь как она, ждавших представления повелителю. Местные девушки, видимо, из небогатых провинций, с жёлтой кожей, узкими глазами и чёрными как смоль волосами, низенькие и худенькие, вполголоса переговаривались. Их лица были оживлены и полны надеждой. Неужели они по собственной воле пришли в гарем? Другие девушки были такими же пленницами, как и она сама. Возле них стояли воины с ятаганами наперевес, а ещё женщина с длинной палкой, такой же, как и та, что колола их в бане за малейшую провинность.

Женщина внимательно оглядела Амлон, потом поцокала языком и что-то сказала воину. Тот нехотя подошёл к ней, выслушал, видимо, приказание, и куда-то исчез, а через некоторое время появился, неся в руках таз с водой, гребень для волос и золотые браслеты. Женщина подошла к Амлон и надела ей на руки браслеты. Видимо, они были призваны закрывать синяки, которые уже начали расползаться в тех местах, где крепко держал её стражник. Потом женщина жестом приказала умыться. Амлон нехотя подчинилась. Непослушание ничего уже не изменит. Влажным гребнем ей расчесали волосы и руками отряхнули платье от пыли. Наконец, женщина удовлетворённо вздохнула и что-то быстро-быстро сказала воину. Тот ответил, усмехнувшись.

Вдруг раздался звук, протяжный, одинокий, надсадный. Захотелось закрыть уши руками и упасть. Амлон огляделась, ища источник звука, и увидела только, как склонили голову женщина, воины и местные девушки, в благоговении глядя на золотые двери. Амлон тоже взглянула туда и застыла. Сердце забилось быстрее от страха. Двери медленно открывались. Воины подняли головы и начали

подталкивать девушек вперёд, женщина проворно орудовала палкой, подгоняя зазевавшихся. Скоро все они стояли в огромном зале. А в центре его за столами, составленными полукругом сидел шейм, Повелитель всего Ирхана со своими министрами и доверенными лицами по обе стороны от него. Амлон застыла, как изваяние и задрожала, когда взгляд повелителя остановился на ней. Прошло несколько минут, прежде чем он что-то отрывисто приказал воину и тот толкнул её вперёд из толпы девушек. Она кожей ощущала на себе десятки оценивающих взглядов. Хотелось провалиться сквозь землю. Её заметили и отличили. Всевышний, что теперь ей делать?

Глава 2

Эмет

Эмет аль Баар, визирь самого шейма, Повелителя всего Ирхана, был с утра сильно не в духе. Шейм призвал его ни свет ни заря и до обеда почти обсуждал с ним положение дел в стране, а потом ещё приказал остаться и подождать. Шейм хотел сделать сюрприз. Эмет видел его мысли, читал как на ладони. За столько лет он успел узнать повелителя очень хорошо. Досадно было смотреть на все эти уловки. Как будто он убежал бы, знай заранее в чём заключается сюрприз. А может и убежал бы...

– Эмет, мой дражайший друг, – шейм повернул к нему свою маленькую голову на полной короткой шее и заговорщически подмигнул, со вкусом кладя в рот крупную ягоду калиша. Визирь ненавидел эти ягоды. Красные, словно кровь, их сок всегда противно стекал по подбородку, окрашивая лицо в красный цвет, цвет ятаганов и крови. – Ты знаешь, я всегда любил тебя. И сейчас у меня единственная мысль – лишь о тебе, моём первом и дражайшем советнике. Но я уже говорил тебе неоднократно, что холостой визирь вне традиций Ирхана. Аим не благословил его, если он никак не может найти себе жену. Я понимаю твоё терпение и веру в моё великодушие, дорогой Эмет. Ты был волен выбрать себе невесту из любого знатного рода – хоть Алого Ятагана или самого Ясноликого и Зоркоого, но ты отказался. Сегодня же я подарю тебе любую из наложниц на выбор. И если она тебя устроит, через две недели, на третий день месяца

гассала, ты должен быть с ней на брачной церемонии в Великих Шатрах. Ты понял меня, дорогой друг? – В голосе шейма слышалась лёгкая угроза, настолько лёгкая, что кто-то иной, кроме визиря и не заметил бы её. Но недаром он знал повелителя столько лет. Изворотливый, как мелкая горная змейка – сармари и такой же пакостный...

– Я понял вас, мой Повелитель, – визирь склонил голову в жесте покорности. Их разговор не слышал никто. Или делал вид. Если бы кто-то из присутствующих на трапезе хоть взглядом выдал интерес, завтра он был бы повешен, без суда и следствия.

– Вот и славно! – И шейм хлопнул в ладоши.

Двери обитые золотой парчой начали медленно открываться. Механизм. Эмет знал это точно. Но на тех, кто первый раз бывал во дворце, это производило неизгладимое впечатление. Великая Империя, славный досточтимый Ирхан, страна песков, роскоши и крови.

В зал вошли рабыни, подталкиваемые стражниками и бави с длинной асагой в руках. Бави всегда сопровождала рабынь. А иногда кончики её асаги смазывали ядом. Повеселиться, как объяснял шейм. Чтобы избавиться от слишком уж непокорных рабынь. Жалкое зрелище. Красивые девушки жались сиротливо в кучки, забитые с несчастными взглядами. Да. Участь этих красавиц в гареме повелителя будет незавидна, как и вообще участь всех женщин в Ирхане.

– Ну что, – шейм смотрел на девушек, плотоядно улыбаясь. – Выбирай любую. Я сегодня добрый.

Визирь прищурил глаза. Из толпы выделялась девушка в голубом платье, гордая и несчастная, а ещё красивая, дикой красотой, которой почти не знают покорные женщины ирханцев. В гареме её сломают и растопчут в пыль. Что-то похожее на жалость шевельнулось в душе Эмета.

– Вот эта, – указал он на рабыню. А потом спросил. – Откуда она?

– Из Тарса, полагаю. Ты же знаешь, поход был удачным, – шейм насмешливо смотрел на визиря. Он ожидал все пятнадцать лет, пока тот оступится. Ходить по лезвию и не оступиться – невозможно. Так долго первым советником не

задерживался никто. – А что, тебе очень понравилась эта девушка? Что-то напомнила?

– Да нет, – Эмет задумчиво посмотрел в толпу рабынь. – Мой повелитель, я согласен взять любую. Они все одинаковы.

– Аим! Ну ты и ценитель женской красоты, – захохотал шейм. – Бери уж ту, которая тебе приглянулась. Она в этой толпе хотя бы выглядит красивее других.

Визирь согласно кивнул головой в знак покорности и отвернулся, чтобы шейм не заметил удовлетворения, мелькнувшего в глазах.

– Подведите мне эту девушку сюда!

Воины толкнули девушку вперёд, которая от страха едва стояла на ногах. Визирь поморщился. И какая ему радость возиться с напуганной пленницей? Она вот-вот сознание потеряет. Но внутренний голос почему-то был спокоен. Значит, он принял верное решение. Должно быть, так надо для чего-то. Воин подошёл к шейму, упал перед ним на колени и что-то зашептал.

– Дражайший Эмет, эта рабыня строптива. У меня бы в гареме её ожидала порка. Советую так поступить и тебе. Она пыталась убежать. И посмотри, как гордо держит спину и какой взгляд. Чистая волчица с невинностью лилии правда, – шейм опять захохотал. Визирь слегка скривил губы в улыбке.

– Ничего, я справлюсь, мой Повелитель.

– Разумеется. Ну что, она теперь твоя. Если понравится – женись, надоест, отдашь её мне в гарем и выберешь другую. А сейчас я прикажу увести их всех до окончания пира.

Амлон

Амлон едва стояла от страха и усталости. Ноги подкашивались, в глазах темнело. Только бы не упасть на виду у всех этих желтолицых, не доставить им

такой радости! Она слышала их говор, противный словно шипение змеи. И как только кто-то может понимать этот язык?! Впрочем, он под стать им – людям без чести и совести, хитрым и изворотливым. Казалось, минуты тянутся вечно. На неё внимательно смотрел повелитель, и ещё какой-то мужчина, сидевший рядом с ним. Его губы были растянуты в улыбке, но глаза смотрят жёстко. Страшный человек, почему-то подумалось ей.

Наконец, шейм отдал какой-то приказ и их повели прочь из зала с золотыми дверями. Неужели чудо случилось, и она не понравилась повелителю? Амлон боялась на это надеяться. Но почему же тогда их увели из зала? Она растерялась и не сразу заметила, что, подталкиваемая воинами с двух сторон, идёт куда-то совсем в другую сторону от остальных рабынь. Страх удушливый волной подкатил к сердцу. Куда её ведут? Что происходит. Она дёрнулась, но воины тут же, словно по команде схватили её за руки, каждый со своей стороны. Не вырваться. Едва не падая в обморок от паники, на негнущихся ногах, Амлон брела за ними. Точнее воины почти тащили её. У неё не было сил ни идти, ни упираться.

Желтолицые втолкнули её в какую-то дверь, захлопнули её и ушли. Амлон огляделась и, увидев Камиле, едва не бросилась ей на шею. Такой сильной была радость, а ещё почему-то облегчение.

– Вот мы и снова свиделись, деточка. Как я за тебя рада, как рада! Тебя надо привести в порядок побыстрее.

– Зачем? – В сердце опять проснулся страх.

– Как зачем? Тебя выбрал своей наложницей сам визирь нашего великого Повелителя, Эмет аль Баар. Если будешь скромной и послушной, он женится на тебе. О таком счастье даже женщина самого знатного рода мечтать не смеет. Видимо, Аим на твоей стороне. Повернись, милая, дай ка я поправлю тебе волосы. Я принесла с собой притирания и несколько платьев. Негоже входить в дом такого человека в одной одежде, – Камиле хлопотала вокруг неё, а Амлон стояла ни жива, ни мертва.

Она теперь наложница визиря. Вспомнился человек со страшными глазами, тот, который напугал её больше повелителя. Почему то она была уверена, что речь о нём. И вот ему её отдали, подарили? Теперь она должна быть послушной

игрушкой в его доме?

– Камиле, – она хваталась за последнюю соломинку. – А если я не понравлюсь визирю?

– Он может оставить тебя дома в качестве рабыни, может убить или отдать Повелителю для наказания, – равнодушно ответила Камиле, втирая ей в волосы какую-то вонючую гадость. – Поэтому ты лучше постарайся быть послушной. Господин визирь достойный и справедливый человек. Он неотлучно при Повелителе с самого детства. Благодаря ему Ирхан расцветает садами и добычей. Как тебе повезло деточка, как повезло!

Амлон слушала и не могла прийти в себя. Повезло? Убить или отдать Повелителю жену, которой клялся в любви? Нравы Ирхана ещё страшнее, чем о них рассказывают. Хотя пусть лучше её убьют, чем она выйдет замуж за этого страшного визиря! А это мысль! Вести себя так вызывающе, чтобы ему ничего не оставалось, кроме как убить её. Или отдать Повелителю... Амлон вздрогнула. Она не знала, что хуже и кто хуже. Всевышний, спаси!

– Всё, девочка моя, пора, – засуетилась Камиле. – Господин визирь собирается домой. Если будешь вести себя примерно – заживёшь в роскоши, будешь в золоте купаться. Эмет аль Баар щедрый человек и очень богатый. Он не покусится на наряды и украшения для своей жены, уж будь уверена.

И Камиле подтолкнула её к двери, за которой уже ждал стражник. Амлон судорожно сглотнула, посмотрела на добрую женщину, которая ничего плохого ей не желала, да только вот пожелания её были хуже того, что могло ей присниться в самом страшном сне, и медленно шагнула к воину. Она смутно помнила, как её вели прочь из дворца, вниз через бесчисленные анфилады и коридоры, через сад и двор, уже намного бережнее чем сюда. Как же. Теперь она дорогая игрушка, наложница или лучше сказать рабыня, самого визиря.

Воин посадил её в повозку, намного больше той, в которой её привезли сюда, и ушёл. Амлон осмотрелась, в панике ища выход, и едва не задохнулась, разглядев, наконец, в темноте, царившей в повозке, что она здесь не одна. Рядом сидел визирь, тот самый человек с жестокими глазами. Она отшатнулась, не помня себя от страха. Если бы могла, выпрыгнула из повозки на полном ходу. А визирь словно насмеялся над ней. Губы улыбались, а глаза смотрели жёстко,

без капли жалости. Лучше смерть, чем жизнь с ним!

Но повозка ехала, её новый хозяин осматривал её, не стесняясь, в темноте. Мысль о том, что она теперь в полной его власти, сводила с ума. Но она не покажет ему это. Нет! Амлон подняла голову и тоже устремила на него взгляд. Пусть её накажут, пусть побьют, пусть этот визирь покажет свой настоящий характер, только бы знать, чего ожидать от него!

Её хозяину можно было бы дать лет тридцать пять. Короткие тёмные волосы, усы, небольшая бородка, богатый костюм, ничего примечательного, коренной ирханец. Только вот глаза... Амлон смотрела в них, как зачарованная, теряясь в их глубине, не в силах оторваться. Она ждала, что её накажут за это, но визирь молчал, не выказывая неудовольствия, словно так и должно быть. Что ему надо? Что он ждёт от неё? Повозка остановилась. Они приехали, а её хозяин, ничего так и не сказал ей.

Визирь открыл дверцу, откинул полог и исчез, оставив Амлон в недоумении и испуге. Прошло несколько минут, но за ней никто не приходил. Она осторожно выглянула из повозки. Та стояла посреди большого двора, мощёного белым камнем. Неподалёку шумел фонтан, резвились ручные птицы с золотым опереньем, шумели ветвями огромные деревья, с большими сочными листьями и ни намёка на пыльный город и свободу. Золотая клетка, вот куда её привезли.

Только Амлон пошевелилась и ступила на землю, как тут же, словно из ниоткуда возникли две девушки в платьях, похожих на то, что носила Камиле. Значит, за ней следили. Они подошли и что-то сказали ей. Она покачала головой и развела руками, что не понимает их. Тогда одна из них ткнула себя пальцем в грудь и произнесла:

– Ирхан, – видимо они спрашивали её, откуда она. Амлон немного помолчала, а потом всё же ответила.

– Тарс.

Тогда они обрадованно что-то сказали и, взяв её за руку, почти потащили куда-то. Она не сопротивлялась. Надо сначала узнать обстановку, а потом раздумывать о побеге. Что толку ей будет вырваться сейчас от них, когда, наверное, через несколько шагов, может быть, за этим фонтаном, её ждут воины

с ятаганами. Первый побег ещё отзывался болью и страхом. Её не наказали лишь, потому что нельзя было испортить дорогой товар. А вот сейчас, когда её участь уже решена и она принадлежит этому страшному человеку, наказание за побег может быть куда более жестоким.

Пока она раздумывала и осматривалась, девушки привели её в дом, почти такой же богатый, как и дворец повелителя. У Амлон закружилась голова от обилия анфилад, коридоров, садов и фонтанов. Наконец, её почти втоптали в какую-то небольшую комнатку, наподобие той, в которой она ночевала у Камиле. В ней сидела и вышивала на белом покрывале странный узор ещё одна девушка. Не зная местных обычаев, Амлон не могла понять – служанка это или наложница. Девушки что-то обсудили между собой, а потом та, которая вышивала, обратилась к ней на родном языке:

– Здравствуй, госпожа!

Амлон от радости бросилась обнимать девушку. Они с ней примерно одних лет и, может быть, даже из одних мест. Она наконец-то нашла ту, с которой сможет поговорить по душам и обсудить план побега.

– Не надо, – девушка улыбнулась и отстранилась, – вы теперь наша госпожа, а мы ваши служанки. Не по закону госпоже проявлять такую милость к своим слугам.

Амлон нахмурилась. Госпожа? Слуги? Да она просто нашла соотечественницу в этой чужой стране!

– Какой закон?! Я просто хочу поговорить с тобой.

– Во всём Ирхане единственный закон, и если не подчиняться ему, кары суровы. Лучше вам, госпожа, о них никогда не знать, – лицо девушки помрачнело. Две другие девушки что-то быстро проговорили и ушли, неслышно прикрыв дверь.

– Как тебя зовут? – Амлон тоже помрачнела. Радость от встречи прошла. Вернулся страх. Она одна в чужой стране с чужими людьми и принадлежит сейчас странному и страшному человеку. Захотелось плакать.

– Ирис, госпожа.

– А как ты сюда попала, Ирис?

– Я не хочу об этом вспоминать, – в глазах служанки мелькнула тоска. – Я привыкла к этому месту и к этому дому и не хочу ничего другого. Теперь не хочу, – голос её прозвучал глухо.

– А ты... Ты никогда не думала сбежать?

– Думала и даже сбегала. Я была слишком глупа, чтобы думать о том, что будет потом, когда меня поймают. Госпожа, никогда не пытайтесь сбежать, – Ирис посмотрела на неё почти умоляюще, – прошу вас.

– Почему? Неужели жизнь наложницей хуже наказаний? – Амлон недоумённо посмотрела на неё.

– Я тоже так думала когда-то. Наказания в этой проклятой стране умеют изобретать такие, что жизнь в одном загоне с харомами покажется счастьем. Вот, смотрите, госпожа, – и Ирис откинула платье с одного плеча и показала ей уродливый и вздутый багровый шрам. – Он идёт через всю спину. Когда меня наказывали, в рану, чтобы она не зажила правильно, наливали какого-то снадобья. Теперь даже лучшие лекари не смогут полностью залечить его. А как он болит! Иногда мне кажется, что он разъедает спину, проедает насквозь.

Амлон стало дурно. И никакого спасения в этой варварской стране нет. Её участь уже решена...

– А это... – она сглотнула. – Этот шрам сделал господин визирь?

– Нет, что вы! – Улыбнулась Ирис. – Из всех моих хозяев он самый добрый. Он бьёт нас, слуг, лишь за большую провинность. Тогда как другие могутсыпать плетей по несколько раз в неделю и даже без повода. Вам очень повезло, госпожа, очень.

Амлон покачала головой, но промолчала. Ей было страшно и одиноко, она устала и до ужаса боялась своего хозяина. Но жить так, как эта девушка – сломленная и

покорная, она всё равно не сможет. Для неё это казалось страшнее смерти.

– Пойдёмте, госпожа, я покажу вам ваши покои, – Ирис встала, расправила плечи и поманила Амлон за собой. – Только не пытайтесь сбежать, госпожа. У господина очень много охраны. Правда она не видна сейчас. Но если знать, как смотреть, можно разглядеть воинов с ятаганами.

Амлон покорно пошла за ней. Она чувствовала себя лучше, когда ехала связанная в повозке, прочь из родного Тарса и когда сидела в доме Камиле. У неё была надежда. Сейчас надежда исчезла, сменившись апатией и страхом, всепоглощающим страхом. Лучше бы ей стать служанкой, бесправно рабыней, чем наложницей, тоже бесправной, но имеющей видимость власти. Одно было другого хуже.

Глава 3

Амлон

Её привели в просторную комнату, настолько шикарно обставленную, что Амлон едва не открыла рот от изумления. Комната в доме Камиле, где она провела ночь как пленница, показалась ей просто лачугой по сравнению с этим местом.

– Это ваши покои теперь, госпожа, – улыбаясь, сказала Ирис, обводя руками комнату.

– Спасибо тебе.

– Да что вы, госпожа! Не стоит благодарности, – снова улыбнулась Ирис и поправила платье, сползающее с плеча. Амлон едва не вздрогнула, вспомнив шрам, закрытый этим платьем. – Если вам что-то понадобится – дёрнете за этот серебряный шнурок, и к вам обязательно придёт кто-то из слуг. Пищу вам будут приносить сюда.

И служанка отвернулась к двери.

– Ирис... постой!

– Да, госпожа!

Амлон поморщилась при слове «госпожа», но промолчала.

– Ирис, скажи, а ты не знаешь... я... я пленница здесь? Что мне можно делать?

– Не знаю, – Ирис пожала плечами. – Господин не передавал никаких указаний по поводу вас.

Служанка постояла ещё пару минут, потом ласково и ободряюще улыбнулась ей и ушла, оставив дверь открытой. Амлон вздохнула. Её не заперли, указаний от этого страшного человека не поступало, что это значит? Может быть, он проверяет её и ждёт повода для того чтобы наказать или отправить обратно к шейму? После рассказа Ирис, она не питала иллюзий насчёт наказаний в этой варварской стране. Наказывать в Ирхане умели и любили. Вот только было ли лучше наказаний её положение? Неизвестность пугала гораздо сильнее.

Амлон вздохнула и осмотрелась. Посреди комнаты стояла кровать с балдахином. Тяжёлая плотная ткань с искусной золотой вышивкой покрывала её. Стены были обиты чем-то мягким и таким привлекательным на вид, что она не удержалась и потрогала. Похоже на ткань, только какую-то другую. Может быть, кожа? Пол тонул в мягких коврах, а потолок терялся где-то высоко над головой. В комнате было полутемно, и Амлон даже не могла толком рассмотреть, где именно заканчивается комната. Искусная драпировка на потолке создавала впечатление бесконечности. Как она уже заметила, в Ирхане не любили окон. Может быть, это было связано с их верованиями, или же они просто боялись, что полуденная жара проникнет в дом. В любом случае, единственным источником света в комнате оставалось маленькое отверстие где-то под потолком. Из него падал одинокий луч прямо на середину комнаты.

Амлон медленно прошлась, осматриваясь. Ноги тонули в мягком ковре. Возле кровати стоял маленький столик, чуть поодаль, у стены – шкаф, видимо для одежды. Несколько низеньких стульчиков без спинок, обитых мягкой тканью и небольшой шкафчик с зеркалом и выдвигаемыми ящиками. В ящиках не было

ничего интересного. Какие-то непонятные тюбики с острыми запахами. «Притирания» – вспомнила Амлон незнакомое слово, услышанное от Камиле, большой гребень, украшенный драгоценными, судя по блеску, камнями и ещё какие-то предметы, о назначении которых она не имела никакого понятия. И снова ничего острого или режущего. Только ковры, красивые платья, да мягкие стены.

Амлон подошла к двери и, толкнув её, выглянула в коридор. Она успела увидеть лестницу в конце коридора, когда услышала шаги. Сердце тревожно забилось, как у птички, пойманной в силки. Они с отцом раньше часто помогали выбраться птицам, невзирая на возможное неудовольствие охотников. А теперь она почувствовала себя такой птицей в крепких силках. Когда шаги приблизились, она забралась на кровать и поджала под себя ноги, полная решимости бороться до последнего.

Но дверь отворила Ирис. Она несла поднос с яствами, от которых шёл едва уловимый аромат. Только тогда Амлон почувствовала, как проголодалась.

– Это вам, госпожа, – улыбнулась девушка и поставила поднос на столик возле кровати. – Сейчас время обеда. Но если вы пожелаете, можно будет получить любые доступные вкусности когда угодно.

– Спасибо, – благодарно кивнула Амлон. Ирис молча поклонилась.

– Я приду за подносом, как вы поедите, госпожа. Но если пожелаете видеть меня раньше – только позовите.

Амлон кивнула. Она вообще не хотела, чтобы девушка уходила. Всё-таки в этом доме в чужой стране её язык понимала только Ирис. Она казалась маяком, лучом света в темноте, который один показывал ей правильный путь, не позволял заблудиться. Но у служанки было, наверное, ещё много других забот. Она не имела права её задерживать.

Когда девушка ушла, Амлон осторожно приступила к трапезе. И тут же обнаружила, что ей принесли какое-то подобие ножа. Он был с закруглённым на конце и не очень острым, но если его наточить... Она осторожно осмотрелась по сторонам, а потом спрятала его под подушку, и принялась за еду. За время плена она привыкла, насколько это было возможно к пряностям, придававшим

блюдам необычный вкус. Но полюбить их так и не смогла, как не сможет человек полюбить чужую страну как свою родину. Амлон ела машинально, глядя в тарелку и, поэтому едва не подпрыгнула, прикусив себе язык, когда услышала сказанное мужским голосом на чистом тарсийском:

- Вкусно?

Она подняла голову и едва не упала в обморок. Напротив неё на ковре, поджав под себя ноги сидел её хозяин и господин, которому вскоре, видимо, предстояло стать её мужем. Она не успела даже удивиться, что он так хорошо говорит по тарсийски, только застыла, не успев донести еду до рта. Он сделал какое-то движение, Амлон едва не упала, инстинктивно отодвинувшись назад. Сердце забило от ужаса.

- Так я спрашиваю, вкусно или нет? - Господин визирь нахмурился. Видимо. Она разозлила его. Взяв себя в руки и стараясь ничем не выдать страх, грозившийся выплеснуться через край, Амлон постаралась ответить как можно спокойнее.

- Да, господин.

- Ты врешь, - снова его голос был жёстким. Амлон сжалась, ожидая наказания. Теперь то уж точно он не оставит её в покое. - А ты знаешь, какое в Ирхане положено наказание за ложь?

- Нет, - она помотала головой.

- Тридцать ударов плетью для мужчин и двадцать для женщин, - Амлон вжала голову в плечи. Если он хочет наказать её, то пусть наказывает скорее. Двадцать ударов она не выдержит. Это будет, конечно, не самый лёгкий способ отправиться на суд к Всевышнему, но зато все её мучения окончатся разом. - А почему ты солгала? - Спросил вдруг господин визирь. Она не ожидала этого вопроса и растерялась на секунду. Но этой секунды хватило у неё, чтобы вырваться:

- Потому что я боюсь сказать правду, - она прикрыла рот рукой. Визирь хищно улыбнулся.

– А ты не бойся. Что ты хотела сказать мне на самом деле?

– Что не могу любить вашу еду, как и вашу страну. Что она кажется мне безвкусной, а порядки дикими. Что я никогда не смогу прижиться здесь. Что я ненавижу вас всех, желтолицых. Вы отняли у меня семью и юность. Что лучше смерть, чем жизнь здесь в золотой клетке, – Амлон выпалила это на одном дыхании и вздёрнула голову, смотря прямо на визиря, не отрывая взгляд, хотя и боялась его до дрожи. Ну и что. Пусть он теперь убьёт её. Она тогда встретится с отцом.

В комнате повисла тишина. Никаких звуков не доносилось из-за плотно-прикрытой двери. Она были наедине с этим ужасным человеком, который мог сделать с ней всё, что захочет. Амлон боялась его до дрожи и в то же время в ней зрело какое-то чувство, которому она не могла дать название. То, что, наверное, испытывает воин перед битвой, зная, что пришёл его час. Какое-то мужество, решимость. Она была одна, в чужой стране, но она была сильнее их. Они не смогут сломать её душу, подчинить себе. Растоптать, унижить – да, но не сломать. И, видимо, господин визирь что-то почувствовал, потому что в его взгляде мелькнуло удивление, всего лишь на секунду. А, может быть, Амлон это только показалось. Но он первым отвёл взгляд, бесшумно поднялся с колен и сказал:

– Отдыхай пока. Я вечером приду к тебе.

Амлон вздохнула свободно, когда он ушёл. Господин визирь пугал её даже больше Повелителя. Она не знала, что от него ожидать. А вот это его: «...вечером приду к тебе» похоронным звоном наполняло душу. До вечера надо что-то придумать.

Она вытащила из-под подушки нож. Интересно, где его можно наточить? И сможет ли она, если понадобится, убить господина визиря? Ответов на вопросы пока не было. Когда в комнату постучали, Амлон быстро спрятала нож под подушку и вскочила. Но к ней вошла только Ирис.

– Вы поели, госпожа? Я унесу подносы, – она собрала посуду, поставила её на подносы и, действительно, собралась уходить.

– Пстой, Ирис, – рискнула Амлон.

– Да, госпожа.

– Ты не знаешь, где можно наточить вот это? – И она показала служанке нож.

– Опасную игру вы затеяли, госпожа, – покачала головой Ирис. – Но на кухне есть точильный станок. Только лучше бы вам смириться, – Платье словно бы невзначай соскользнуло с её плеча, обнажив уродливый шрам. Амлон поёжилась. Нет, она должна действовать осторожно. Ещё не время. Но при мысли о визире, сердце начинало колотиться от страха. Лучше иметь при себе нож. Правда она не была уверена, что при случае сумеет им защититься, но лучше всё же хоть какое-то оружие.

– Я не могу смириться, Ирис. Я умру в неволе, – Амлон умоляюще посмотрела на служанку. Та вздохнула, потом ответила.

– Хорошо, госпожа, давайте нож. Я наточу его и передам вместе с ужином. Только смотрите, чтобы никто не заметил, что он острый.

Служанка ушла, а Амлон смотрела ей вслед, чувствуя, как разрывается сердце от одиночества. Она – птица, запертая в клетке.

Эмет

Эмет обедал. Пища, как всегда казалась безвкусной. Он мог бы приказать и ему подали бы любое блюдо, но не хотел рисковать. Игра с шеймом – слишком рискованное дело. Он не мог позволить себе дать слабину. И в то же время дал, вот как раз сегодня. Он вспоминал эту странную девушку, даже имени которой не спросил. От неё пахло луговыми травами. Хотя он знал, что её одели для показа повелителю честь по чести. И пахнуть от неё могло лишь ирханскими притираниями. Он ненавидел эти запахи, но приходилось мириться. Со многим в этой стране приходилось мириться...

А девушка напомнила ему Тарс, поля, холмы, море... Крики чаек, лёгкий ветерок ласкает волосы, мама... Аим его заberi! Он же обещал себе никогда не вспоминать об этом. Он затолкал свои воспоминания так далеко вглубь, чтобы

никакое снадобье местных знахарей не смогло выудить их у него, даже под пытками. Он жил этим. Если отнять эти воспоминания, он сойдёт с ума.

И вот как ей удалось одним своим видом разбудить всё то, что дремало в нём пятнадцать лет?! Испуганная лань. Трепетная и дрожащая, но такая сильная. Чистая душа Тарса. Много их, таких, ещё привезли в гарем к ненасытному шейму? Как бы ему хотелось утопить в крови этот проклятый ненасытный Ирхан вместе с его повелителем! Но ещё не время... Он уронил голову на руки и застонал.

В комнату постучали. Эмет поднял голову. Никто и никогда не должен знать, что даже у него, первого советника самого шейма бывают минуты слабости. Слабость всегда карается и тем больше, чем ты слабее.

– Войдите.

– Господин визирь, – молодая служанка вошла, не поднимая головы, сложив руки на груди в почтительном жесте, – ваш ужин ожидает вас в трапезной. Или может быть вам подать ужин сюда?

– Нет, я не хочу ужинать, – ответил он. – Хотя, постой-ка. Подай мне ужин в комнату госпожи. Мы будем сегодня ужинать с ней вдвоём.

– Хорошо, господин, – служанка поклонилась и вышла.

Он же обещал вечером прийти и поговорить.

Амлон

Вечером Ирис принесла ужин. Два подноса, вместо одного. Амлон испуганно посмотрела на неё.

– Это для господина. Он будет ужинать вместе с вами, госпожа, – ответила Ирис на невысказанный вопрос, а потом добавила шёпотом. – Нож на подносе. Спрячьте его, госпожа, иначе меня накажут.

Служанка неловко поклонилась, и выпорхнула за дверь. Амлон тут же бросилась к подносу. Нож действительно был там, умело спрятанный между тарелок с едой. Острый, как она и хотела. Спрятать его под подушку было делом нескольких секунд. Она, на всякий случай, села так, чтобы иметь возможность выхватить его, если что. Амлон смутно представляла, какая именно опасность её ожидает. Она боялась всего. И жизнь наложницей или женой (она не видела разницы) господина визиря пугала её даже больше, чем смерть.

Она сидела, не мигая, и смотрела на дверь. Еда на подносе остывала. Была бы её воля – заперла бы дверь в комнату. Вот только комнаты в Ирхане запирались только снаружи. Да ведь он всё равно войдёт. Амлон против воли вспоминала ледяной взгляд господина визиря и его жёсткий голос. Такой не остановится ни перед чем.

Готовая к встрече, она всё же вздрогнула, когда его фигура показалась в дверном проёме.

– Прекрасного тебе вечера! – Приветствовал господин визирь её, даже не потрудившись изобразить на губах улыбку.

Амлон растерянно промолчала. Она не знала, как себя вести с этим человеком и что ответить на приветствие.

– Ты можешь приступить к трапезе, – разрешил он ей и сам подал пример, подхватив двумя золотыми узорчатыми палочками что-то похожее на длинную рыбу в водорослях. Она как зачарованная смотрела, как он ест, не в силах приняться за еду сама. Аккуратно, так что ни одна капля густой подливы из пряностей, не упала ему на идеально белую рубашку. Амлон не знала, как называется эта одежда, да и не стремилась узнать. Здесь всё было чуждо ей и тем более чуждым становилось, чем дольше она находилась в этой проклятой стране. – Я вижу ты не хочешь есть. Хорошо, тогда я хотел бы поговорить с тобой, – визирь вытер рот золотой салфеткой, расшитой богатыми узорами и небрежно бросил её на поднос. – Как тебя зовут?

– Амлон, – тихо ответила она, понимая, что дальше молчать бессмысленно и опустила глаза.

- Ты знаешь ирханский язык?

- Нет, - она покачала головой.

- А вот это уже плохо. Знаешь ли ты, что в конце следующей недели ты должна будешь предстать перед лицом шейма в Великих Шатрах, как моя жена? А жене визиря Повелителя всего Ирхана не пристало оставаться безграмотной. С завтрашнего дня к тебе будет ходить учёный хаим. Он начнёт обучать тебя ирханскому языку и письму, чтобы ты хотя бы смогла произнести слова брачной клятвы, а кама из гарема Повелителя расскажет тебе, как надлежит одеваться, ходить, кланяться и говорить жене визиря.

Амлон слушала речь визиря с безмолвным удивлением. И с каждым словом на сердце словно камень ложился. Будущая жизнь виделась тёмной, без единого просвета. Перед лицом их жестокого и кровавого бога она должна будет принести клятву верности вот этому мужчине и стать его женой, родить ему наследников и всего через неделю. Не об этом она мечтала в детстве, не такой судьбы желала, не с таким человеком мечтала быть связана нерушимым союзом любви и верности навеки. На глаза наворачивались слёзы, но Амлон сморгнула их. Она не покажет свою слабость ни за что! Всевышний поможет ей.

- Ты поняла меня?

- Да, господин.

- Господином будешь называть меня при людях, а наедине я требую, чтобы ты, как будущая жена называла меня по имени - Эмет.

- Да...Эмет, - тихо ответила Амлон, запнувшись. Ирханское имя резало язык. Они помолчали. Господин визирь взял с подноса большой жёлтый фрукт, Амлон ещё не видела таких и не пробовала, аккуратно разрезал его на маленькие кусочки и предложил несколько ей. Она взяла и проглотила, не почувствовав ни вкуса, ни запаха.

- Нравится?

- Не знаю... нет, - ответила она честно, вспомнив чем карается ложь.

– Уже усвоила урок, – усмехнулся визирь. – Молодец. Я не люблю ложь. Откуда ты родом?

– Из Тарса, – он же знает, откуда она родом, иначе почему заговорил с ней на тарсийском? К чему этот вопрос?

– Откуда именно?

– Из Лаабата, с предгорий, – Амлон на минутку закрыла глаза, вспоминая. А когда открыла – господин визирь уже стоял у двери.

– Завтра к тебе придёт хаим, будь готова, – он отвернулся, а потом добавил. – Можешь гулять по саду и по дому, сколько пожелаешь. Но даже не думай сбежать. Мои сторожевые драксы найдут тебя быстрее, чем облако в ветреный день набежит на солнце.

И визирь ушёл. Амлон не слышала его шагов. Она как подкошенная рухнула на кровать, стараясь сдержать слёзы. Кто такие драксы она знала, видела их пару раз. Большие мерзкие сторожевые ящеры, способные извергать пламя изо рта. Им подрезали крылья и держали на цепях, чтобы они не улетели. Но в Тарсе ходили легенды о том, что раньше, когда мир был большой, и всем хватало места, драксы были свободными и вольными. Их было очень тяжело приручить, но тот, кому это всё-таки удавалось, приобретал верного друга и неоценимого помощника, способного летать и переносить человека на большие расстояния вперёд.

Амлон вздохнула и нащупала нож. Теперь у неё не было никаких надежд. От драксов она не сможет убежать. После бракосочетания с этим страшным человеком, придёт время воспользоваться им. Только бы не промахнуться!

Глава 4

Амлон

Кажется, она заснула в слезах после ужина и разговора с господином визирем. Потому что вдруг очнулась на этой большой кровати. Одна. Дверь была прикрыта, но Амлон это не могло обмануть. Постоянное ощущение того, что за ней следят и могут войти в любой момент сводило с ума. Наверное, было уже утро, потому что через единственное окошко в потолке, на середину комнаты падал бледный луч света. Свечи, которые она вчера забыла затушить, оплавилась и погасли. И как только не случилось пожара? Это был бы выход... Правда специально устроить смерть от огня, она никогда бы не решилась – слишком мучительной и пугающей представлялась картина.

В дверь постучали. Амлон вздохнула и разрешила войти. Господин визирь вошёл бы без стука и разрешения, так что вряд ли это он. Действительно. Вошла Ирис.

– Госпожа, доброе утро. Я принесла вам завтрак. Быстренько кушайте. Через четверть часа я зайду к вам. Господин визирь вызвал для вас хаима, так что к полудню вы должны привести себя в порядок.

– Хорошо, – Амлон решила поберечь силы. При упоминании о господине в горле встал удушливый комок, захотелось плакать. Неужели теперь любая мелочь, каждое неосторожно сказанное слово будет напоминать ей о том, что она – рабыня, наложница. И даже, когда она получит статус жены, по факту для неё ничего не поменяется. Вряд ли она сможет сбежать после церемонии бракосочетания. Наоборот, господин визирь, скорее всего будет следить за ней ещё пристальнее.

После завтрака, Ирис повела её длинными коридорами в купальню, попутно объясняя, где что расположено.

– Вот там, госпожа, – купальни, там – выход к висячим садам, вот здесь, если спуститься по лестнице можно выйти в сад, а там парадный вход. Им пользуются только, когда приезжает в гости именитый сановник или после долгого отсутствия возвращается сам господин. Я знаю, что вам разрешено гулять везде, где пожелаете. Если хотите – я к вашим услугам. Господин разрешил, – Ирис улыбнулась. Наверное, девушка довольствовалась малым и сейчас была счастлива тому, что её освободят от работы на время, пока она будет сопровождать госпожу. Амлон вздохнула. Надо почаще просить Ирис погулять с ней. Кроме друг друга у них сейчас никого не было.

Когда они наконец-то пришли в купальню, у Амлон уже кружилась голова от этих бесконечных залов, анфилад, комнат, покоев, витых лестниц и резких поворотов. Если бы она захотела описать всё, что увидела в этом дворце (а она не могла называть место, где жила сейчас просто домом), то ей бы не хватило слов. И в то же время она была равнодушна к этим красивым коврам, фонтанам, мраморным фигурам и драгоценным статуям. Она чувствовала себя здесь чужой.

Только в купальне Амлон смогла немного расслабиться. Ирис оставила её наедине с собой и упорхнула, сказав, что отправилась ей за платьем. Но после уроков хаима и камы, она должна будет уже сама выбирать себе платья и притирания, иначе это будет оскорблением местных традиций.

Вода была тёплой и прозрачной. Амлон попросила не добавлять в неё ничего. Хотя бы немного понежиться в ней без всяких запахов и помечтать. Она легла на дно купальни, выложенное искусной мозаикой, переливающейся под водой всеми цветами радуги (в Тарсе такого материала даже и не видели, наверное) и запрокинула голову. На потолке причудливо отражались блики воды, а через окошечко можно было разглядеть маленький кусочек неба. Амлон прикрыла глаза и представила, что она снова в бухте, на берегу моря, ещё совсем маленькая. И отец, с матерью, смеясь, подставляют лицо солёным брызгам, а она визжит от восторга...

Наверное, она задремала, потому что очнулась от того, что кто-то трогал её за плечо.

– Госпожа, проснитесь, – это была Ирис. – К вам сейчас придёт хаим. Возьмите вот эти бальзамы и благовония. Эти – помыть волосы, – и служанка протянула ей несколько пузырьков, – а вот эти – для тела. Если хотите – я помою вас. Если нет – тогда поторопитесь. Вы должны быть готовы через половину часа.

– Хорошо, – Амлон вздохнула, подождала пока Ирис выйдет, и принялась за мытьё. Дома у них был пруд летом и большая ванна для зимнего мытья. А вместо благовоний – мыло и травы. Она вздохнула. Вот и кончился её блаженный сон. Отец мёртв, а мама... Лучше не думать о том, что могло с ней случиться.

Когда пришла Ирис, она уже помылась. Ей показали, как наполнять купальню чистой водой и как сливать грязную, потом помогли вытереться чистым полотенцем, и повели в другую комнату – одеваться.

– Госпожа, кама вам объяснит лучше, какие наряды к какому случаю позволительно надевать. Но вот насколько я думаю, вам подобает одеться прилично, но не как положено служанке, а как – госпоже.

И Ирис показала ей несколько платьев, на её взгляд, похожих одно на другое. Богатые из мягкой лёгкой ткани, расшитые золотой вышивкой, изображающей драксов, они тем не менее не имели никакой формы и походили скорее на халат со множеством складок, чем на платье, в привычном понимании этого слова.

– Это повседневные платья, госпожа, – ответила на её невысказанный вопрос Ирис. – На бракосочетание или торжественный приём положена другая одежда.

Амлон вздохнула и взяла первое попавшееся платье, отличавшееся от других только цветом. Спасибо хоть не такие открытые, как то, в которое её одела Камиле. На секунду закрыв глаза, она вспомнила платья в Тарсе – красивые, лёгкие, длинные, имевшие форму и цвет. Они словно струились и все девушки в них казались такими красивыми...

После платьев, Ирис расчесала ей волосы, сказав, что здесь принято не заплетать их. Ходить с распущенными волосами было немного непривычно, но хуже всего, что потом служанка принесла благовония.

– А можно как то без них? – Поморщилась Амлон, вспомнив едкий запах, проникавший в ноздри.

– Как госпожа пожелает, – тихо ответила Ирис. – Насчёт благовоний я не слышала никаких указаний. Но ими принято растираться каждый день.

Каждый день! Амлон вздрогнула, представив что этот запах будет преследовать её даже во сне. Нет. Пока лично господин визирь не скажет ей, что она должна выливать на себя эту гадость, она не будет ими пользоваться.

– Я не буду. Спрячь их куда-нибудь, Ирис. Мне плохо от этого запаха, – служанка понимающе кивнула. Через несколько минут её туалет был закончен, и Ирис отвела её обратно в комнату, сообщив, что хаим придёт сюда. Амлон присела на кровать, проверив предварительно, на месте ли нож и осталась ждать господина хаима. Одета по моде Ирхана, вымытая благовониями, она почему-то ещё никогда не чувствовала себя настолько одинокой и чужой, как сегодня.

– Ясного вам неба, госпожа! И да воссияет солнце над вашим домом!

Амлон едва не подпрыгнула, услышав эти слова сказанные скрипучим старческим голосом. Проклятая привычка этих желтолицых двигаться бесшумно как мыши в её родном Тарсе!

– Добрый день, господин, – ответила она робко. Приветствие господина хаима было ей непривычно.

Хаим – высокий сухощавый старик – хитро усмехнулся, обнажив свои золотые зубы.

– Госпожа, если вы хотите понравиться господину визирю или тем паче самому Повелителю всего Ирхана, мой вам совет, выучите как должно отвечать на приветствия, – он помолчал немного, а потом, не ожидая ответа, продолжил. – А теперь давайте приступим к уроку.

Амлон со вздохом принялась за учёбу. Ирханский язык был ей противен, но изучив его, она сможет понимать врагов. И, может быть, ей выдастся шанс сбежать. Господин хаим ушёл через два часа упорных занятий. Он не ругал её ни за что, наоборот был излишне любезен и почтителен и это даже пугало. Амлон не нравился взгляд этого учёного господина. Он словно оценивал её, как оценивают лошадь в Тарсе. Ей вдруг пришло в голову, что господин визирь ни разу не посмотрел на неё так. После ухода хаима она вздохнула с облегчением.

– Госпожа может пойти теперь погулять в сад. Кама придёт только завтра, – робким голосом отвлекла её от невесёлых мыслей Ирис, которая стояла в дверях. Амлон поняла, что служанка хочет погулять, отвлечься от своей, наверное, не очень весёлой работы.

– Конечно, пойдём, покажешь мне сад, – ответила она, постаравшись, чтобы голос звучал как можно живее, хотя сердце разрывалось от тоски по дому и родным.

Ирис молча спускалась по бесконечным лестницам. Да, здесь, наверное, надо прожить не один месяц, чтобы не заблудиться в этих коридорах. Как только они вышли в сад, Ирис молча поманила её за собой, куда-то по едва приметной

тропке сквозь густую экзотическую растительность.

– Здесь мы можем говорить, не боясь того, что наш разговор услышат и передадут господину визирю или самому Повелителю. Я проверяла. В этой проклятой стране просто везде уши, – едва слышно прошептала Ирис. Амлон молча кивнула в ответ.

– Ты что-то хотела сказать мне? – Не выдержав долгого молчания спросила она у Ирис.

– Да, госпожа, – служанка помолчала немного, потом шёпотом произнесла. – Не доверяйте господину хаиму. Это старый сластолюбец. Он присматривает себе симпатичных девушек и обольщает их.

– Хаим. Этот старик? – Амлон вздрогнула от удивления смешанного с омерзением.

– По меркам Ирхана он только вошёл в возраст мудрости и любочестия. Некоторым особо преданным Повелителю людям дозволяется иметь свой гарем по достижении определённого возраста. Это особая милость к ним Повелителя.

– И... И неужели кто-то соглашается по доброй воле войти в гарем к такому... такому... – У Амлон не нашлось слов, чтобы обозначить эту мерзость.

– Добровольно – не всякая девушка согласится, поэтому то хаим и изыскивает способы. Смотрите, госпожа, не попадитесь на его уловки, иначе господин визирь вынужден будет отдать вас к нему в гарем.

– Но, Ирис, я и не собираюсь, – Амлон передёрнулась. Господин визиря она боялась, этот человек был неприятен ей, вызывал страх, но к хаиму она после речей Ирис испытывала ещё и омерзение.

– Госпожа, вы просто не знаете ни наших законов, ни нашего языка. Умоляю вас, ради вашего же блага – никуда не ходите с господином хаимом, как бы он ни обещал и что бы он ни обещал, – Ирис смотрела умоляюще.

– Конечно, Ирис, что ты!

Амлон подняла глаза на служанку. Она смотрела куда-то вдаль, будто вспоминала что-то такое, ведомое ей одной. Может ли быть, что когда-то эта доверчивая девушка попала на глаза такому вот пожилому господину? Амлон вздрогнула и не рискнула спросить служанку об этом. Та не просила сочувствия, а ей самой становилась слишком страшно при мысли об этом. Один Всевышний знает о том, что её ждёт впереди...

Они с Ирис ещё с час, наверное, гуляли по саду. Палящее солнце, странные растения, невиданные животные, резкие и дикие крики в кустах. Всё было для Амлон чужим. Она рассеянно слушала Ирис, пыталась упражняться с ней в ирханском языке, но мысли её были далеко отсюда. Предгорья Лаабата, родной дом, запах мокрой земли, подруга Тара, с которой они не расставались с детства. За месяц до нападения, Тара со всей семьёй переехала в город. Сколько слёз было пролито, но они обещали писать друг другу. Тара...

– Госпожа, вы слушаете меня?

– Что такое, Ирис? – Амлон вздохнула. Вот бы заснуть, и чтобы этот проклятый, залитый солнцем Ирхан, оказался всего лишь сном, выдумкой.

– Завтра к вам придёт кама. Господин хаим рассказал вам, как надо отвечать на приветствия?

– Да. Ирис, а у тебя кто-нибудь остался в Тарсе?

– Мама и младшая сестрёнка, а ещё тётя и лучшая подруга. Мы с Керой были неразлей вода, нас даже дразнили неразлучницами, – Ирис мечтательно закрыла глаза. Амлон тоже замолчала. – Вряд ли я когда-нибудь ещё увижу их, – служанка отвернулась и украдкой смахнула слезу. Девочка, которая слишком рано повзрослела...

Амлон рассеянно скользнула взглядом по деревьям, странным с длинным стволом и большими толстыми листьями, и замерла. Ей показалась тень за стволом. Она опустила глаза, потом подняла опять. Тени не было. Наверное, померещилось. Ирис же говорила, что на этой тропинке их никто не услышит и не увидит.

Эмет

Ноющая боль сдавила виски. Эмет устало потёр их. Сегодня было много работы. А назавтра шейм призвал его к себе. Приедут послы из соседних Алтара и Гаасы. Это значит снова выслушивать раболепные уверения в покорности и верности. А буде Повелителю не понравятся их дары, послов ожидает смерть. А вот какая... Шейм умел удивлять.

Эмет встал из-за стола. Надо пройтись. Он знал в саду такие тропинки, на которых нельзя было встретить алаб-агы, доносчика Повелителя. Шейм был изобретателен. Он следил за всеми своими преданнейшими слугами, конечно, из лучших побуждений, а как же иначе. Алаб-агы докладывали о каждом шаге того человека, за которым следили. Эмет знал, что за ним наблюдают по меньшей мере трое доносчиков. В дом вход им был заказан. Его люди были достаточно преданны ему, чтобы раз в месяц вылавливать особо хитрых алаб-агы, которые потом исчезали бесследно. Он не жалел их. В доносчики шли такие люди, что за деньги могли продать родную мать. Им было не место ни здесь в Ирхане, ни где либо ещё. Но по саду Эмет разрешал им бродить, сохраняя видимость покорности. Он почтительный советник для великого Повелителя всего Ирхана, пока что...

Тропинка вела через заросли ариса. Высокий куст с длинными острыми листьями. Осенью они краснели, словно кровь. Эмет не любил арис, но он дарил такую желанную прохладу в летний полуденный зной, что ради этого стоило потерпеть его в своём саду. Из под ног взлетали разноцветные птицы, на конюшне кричали драксы, требуя еды, где-то ревели харомы. И так изо дня в день. Он уже привык. Почти. Настолько, насколько можно было привыкнуть к чужой стране. И сердце уже не болит. Почти...

Эмет перешёл на другую тропинку и углубился в заросли. И вдруг встал. Он услышал голоса. Алаб-агы здесь не ходили. Своим мерахам с ятаганами он запретил тут появляться. Это только его тропинка, только его одиночество. Кто посмел его нарушить? Эмет прислушался. Голоса были женские и их обладательницы приближались. Он прижался к стволу ариса.

– ... Мы с Керой были не разлей вода, нас даже дразнили неразлучницами.

По голосу кажется это говорила одна из его служанок. Она свободно изъяснялась на тарсийском. Она из Тарса? Странно, что за столько лет он не удосужился узнать о ней побольше.

Но другой голос... Почему-то его бросило в жар. Словно палящее солнце проникло сквозь заросли ариса. А может и впрямь проникло? Эмет посмотрел на небо, но за листьями не разглядел привычного светло-синего давящего свода.

Его будущая жена. Было непривычно думать об этой рабыне, как о жене, да он и не желал никогда жениться. Чувства делают человека уязвимым, а без чувств уподобляться ненасытному Повелителю, подбирающему себе в гарем то одну девушку, то другую, как выбирают коня на базаре... Сохрани его Всевышний от этого!

И всё же, машинально отойдя в тень ариса, он всё-таки невольно следил за девушкой, провожая её глазами. Перед глазами появились образы, полузабытые, словно стёртые. Ещё бы. Он больше двадцати лет старался их забыть. Матушка, сражённая ятаганом на пороге и сестра, Дара, такая же красивая, как эта рабыня. Он с трудом вызвал из памяти её имя. Амлон. Словно ветер играет в предгорьях, щекоча побелевший по осени, мох. Дара... Ей было чуть больше шестнадцати. Проклятье! Аим заведи этих ирханцев! Эмет сжал зубы и обхватил руками голову. Всегда, когда приходили воспоминания, за ними следовала головная боль. Он отдал этой стране воспоминания. Сыворотка забвения действовала исправно до недавнего времени, он отдал Ирхану даже своё имя, сам забывая порой, как его звали на самом деле, но проклятая страна крови и песка требовала всё больше и больше.

Когда приступ головной боли прошёл, он повернулся. Девушек уже не было на тропинке. Их голоса больше не доносились до него. Эмет развернулся и пошёл обратно, домой. На приветствие мераха Сарима он ответил холодным кивком.

– Почему на задних тропинках нет никого?

– Но господин вы же приказывали... – Сарима трудно было обвинить в неисполнительности, но Эмет холодно ответил:

– Теперь приказываю по другому. Двоих мерахов туда.

– Да, господин, – склонился в жесте покорности Сарим.

Эмет поднялся в свой кабинет, досадуя на себя за эти минуты слабости. Он визирь Повелителя всего Ирхана и иначе быть не может. Он создан быть визирем, и послан Всевышним сюда не зря и он не позволит Повелителю сыграть на его слабостях.

Глава 5

Амлон

Амлон проснулась утром от того, что солнечный луч через отверстие в потолке добрался до её кровати. Ей снился дом и знакомые луга, и она позволила себе помечтать, лёжа с закрытыми глазами, всего несколько минут. Когда в дверь постучали, она вскочила. Глаза почему-то щипало от непрошенных слёз.

– Госпожа, – это была Ирис, – я принесла вам завтрак. После него к вам придёт кама, будьте готовы.

Амлон кивнула и повторила несколько фраз, которым вчера научил её хаим и которые она, чтобы не забыть, даже записала на листочке. Если она хочет когда-нибудь сбежать отсюда, язык врагов ей пригодится. А ещё надо бы сегодня сходить посмотреть на драксов. Ведь господин визирь не запрещал ей этого. Ну и что, что она до одури боялась этих самых драксов. Надо исследовать все возможности к побегу.

Когда к ней вошла кама, Ирис поприветствовала её на ирханском так, как её научил хаим, как равную. Кама была старухой, сгорбленной и морщинистой, ну или, может, жизнь в гареме сделала её старухой раньше времени. Она словно состояла вся из одних углов. Зато запах притираний от неё исходил такой сильный, что Амлон стало дурно, и закружилась голова. Лицо камы было ярко разукрашено каким-то подобием краски, так что и непонятно было, какой настоящий цвет у её губ и бровей.

– Как ты смеешь так здороваться со мной, ты, рабыня, возвышенная прихотью Повелителя, да сияет он вечно, да славится его род и множатся его потомки?! – Амлон вздрогнула и едва не отшатнулась, увидев, как исказилось в гневе лицо кама. Та говорила на ломаном тарсийском, перемежая его ирханскими словами. – Ты – ничтожество! И никогда не смей говорить со мной так дерзко! Для тебя я – Видавия, кама и госпожа гарема самого Повелителя всего Ирхана, да сияет он вечно и да славится его род и множатся его потомки.

Амлон отступила к кровати, где под подушкой лежал спасительный нож, мало ли что придёт в голову этой старухе.

– Ты как обращаешься с теми, кто выше тебя?! Подними голову, я сказала, и подойди сюда! – Не успокаивалась кама. – Ты через неделю предстанешь пред лицом Повелителя, да сияет он вечно, да славится его род и множатся его потомки!

Амлон только отступила ещё дальше. В этом доме её никто не защитит, значит придётся защищаться самой от этой полубезумной старухи. В Тарсе её держали бы подальше от людей, чтобы не дай Всевышний, не набросилась на кого-нибудь.

– Повелитель всего Ирхана дозволил мне делать всё, что угодно, чтобы к свадьбе господина визиря ты, ничтожная рабыня, не опозорила его. И будь уверена, я всё для этого сделаю!

Амлон вздрогнула и продолжила пятиться назад, пока не упёрлась спиной в шкаф для одежды. А Видавия, видимо, потеряла терпение, потому что подскочила к ней и, схватив за руку, потащила на середину комнаты. Как Амлон ни сопротивлялась, она не могла ослабить эту мёртвую хватку.

– Это что за наряд? Он приличен лишь госпоже, а рабыня, такая как ты, должна носить ирам. И волосы. – Видавия сильно дёрнула её за волосы, так, что Амлон вскрикнула. Она пыталась вырваться, но кама держала крепко. – Что это за роскошество? Волосы обрежешь, завтра же. Хотя нет, сегодня. Я позову служанку, чтобы принесла нож.

– Не трогайте мои волосы! – Амлон наконец удалось вытащить одну руку и она прикрыла свои волосы.

– Ах ты, гаирское отродье! – Выругалась Видавия, видимо, непривыкшая, чтобы ей перечили. – Я скажу господину визирю, пусть тебе всыпят плетей.

– Что вы хотели сказать мне, госпожа кама? – в дверях появился господин визирь. Взгляд его острых стальных глаз оставался бесстрастным, но в глубине, всего лишь на секунду сверкнул гнев, а может Амлон это только показалось. Она застыла, дрожа, словно между двух огней. Господин визирь пугал её едва ли не больше злобной старухи. По крайней мере, она знала и видела, что от неё ожидать в отличие от своего будущего мужа.

– О, господин визирь, советник и правая рука самого Повелителя всего Ирхана, да сияет он вечно, – к удивлению Амлон, Видавия упала на колени перед господином визирем и расплылась в льстивой улыбке. – Эта рабыня, которую Повелитель подарил вам из великой к ней милости, обращается со мной непочтительно. А я всего лишь учу её, о милостивый господин, как должна она себя вести. Она непочтительна и дерзка, – и кама поцеловала туфлю господина визиря. – Я прошу всыпать ей плетей, чтобы она знала, как обращаться с теми, кто стоит выше неё.

– Госпожа Видавия, вы ничего не путаете? – Холодно ответил визирь. – Эта рабыня, станет в скором времени моей женой, и я хочу, чтобы к ней обращались со всем почтением как с будущей госпожой. А сколько и кому всыпать плетей, я решу сам.

Амлон при первых же словах, подняла голову и удивлённо всмотрелась в лицо господина визиря. Он защищает её, неужели? Или, может быть, защищает своё положение в обществе? Вряд ли от этого человека можно ожидать что-то хорошее. Амлон вспомнила его цепкий, холодный взгляд и вздрогнула.

– Но, господин визирь... – растерянно начала кама. – Вы же не...

– Что не? – Голос господина визиря звучал ещё холоднее, желая словно превратить своего собеседника в лёд. – Если я ещё раз узнаю о подобном обращении с моей будущей супругой, ваши услуги больше не понадобятся, а ваше место при гареме Повелителя будет занято кем-то другим.

– О, господин визирь, пожалейте меня, старую бедную каму, – Видавия распостёрлась перед господином визирем, целуя его туфли. Он отошёл на несколько шагов, брезгливо скривился, взглянув на каму, и исчез бесшумно, словно его и не было. А Амлон не знала радоваться ей или плакать. Что это было сейчас? Господин визирь указал каме на её место и продемонстрировал свою власть или ему и правда стало жалко её? Да нет. Это всё выдумки. Амлон помотала головой, пытаясь избавиться от наваждения. Скорее всего этот страшный человек преследует какую-то свою цель, иначе, если бы он действительно жалел её, то отпустил бы домой.

– Ну что, довольна, гаирское отродье? – Прошипела кама. – Я это так не оставлю. Когда господин визирь наиграется тобой, я сделаю всё, чтобы твоя жизнь не казалась лёгкой. – И тут же, словно боясь, что её могут услышать, Видавия добавила с льстивой улыбкой. – Госпожа, сейчас я научу вас как подобает одеваться и ходить пред лицом Повелителя.

Когда кама ушла, Амлон вздохнула с облегчением. Ей не хотелось никогда больше встречаться с этой старухой, но что она могла сделать? Её мнение здесь не имеет значения. Она всего лишь рабыня, кама по сути права. А после того, как она станет супругой этого страшного человека с ледяными глазами, прав у неё будет ещё меньше. Амлон старалась не думать о том, что будет потом, иначе становилось тяжело дышать. Она – не Ирис, она не сможет смириться.

Стены давили. Хотелось на воздух. Амлон не стала звать Ирис. Наверное, у служанки были свои дела. Тихо как мышка она выскользнула в коридор. Если она всё правильно запомнила, то выход в сад должен быть внизу, за купальней. Первый раз после похищения она передвигалась относительно свободно. Только вот свобода эта была напускной, как у птицы в богатой, золотой, украшенной драгоценностями, но всё же клетке.

Она бесшумно прошла несколько пролётов, потом спустилась по лестнице и открыла резную калитку в сад. Здесь было душно, солнце палило нещадно. Амлон двинулась вглубь сада по одной из тропинок. Обманчивая тишина окружила её. Шуршали листья, лениво колыхавшиеся под слабым ветерком, да изредка вспархивали яркие разнопёрые птицы. Ни души. Но она знала, стоит ей хотя бы попытаться уйти из этого рая, как тишина сменится громкими криками. Но и ждать покорно, уготованной ей шеймом участи она не могла. Стать рабыней, пленницей в этом шикарном доме, пока господин визирь не отдаст её,

как надоевшую игрушку кому-нибудь другому... Она невольно вздрогнула. Благодаря разговорам с Ирис и общению с хаимом и камой, некоторые местные традиции стали ей теперь хорошо известны. Нет. Нельзя оставлять надежду! Амлон вспомнила припрятанный под подушкой нож и немного приободрилась. Если понадобится, она будет бороться до последнего.

В задумчивости она дошла до конца тропинки и свернула налево. Одинаковые то ли деревья то ли кустарники с остроконечными листьями угнетали. Неужели в Ирхане не растёт ничего другого? Надсадно заверещала какая-то птица, Амлон подняла глаза. За ровными рядами кустарников у дороги что-то голубело. Здесь, в стране жарких красок, когда каждый лист и каждая ягода кричит о том, что она здесь самая яркая, простой голубой цвет, цвет неба и моря, напомнил ей о доме. Она осторожно раздвинула руками листья кустарника и свернула с тропинки туда, где причудливая южная растительность смыкалась над головой, образуя купол.

Несколько шагов – и вот она на небольшом кусочке зелени, подобии поляны, до краёв заросшей небесником. Амлон почти упала на колени, жадно вдыхая такой родной запах. За сотни лонгов от родного дома в краю вечной жары, она словно прикоснулась к родине. Запах небесников такой родной и такой глубокий и в то же время такой неуловимый, если не поднести цветок почти к самому лицу, напоминал о доме. Нет. Она не заплачет. Она должна быть сильной. Амлон смахнула непрошенные слёзы, вспомнив, как когда-то, давно, они с Тарой бегали по холмам, покрытым сочной зеленью и собирали небесники, лелея такие сладкие мечты о будущем. Кто же знал, что мечтам предстояло так жестоко разбиться?

Амлон нарвала целый букет небесников, не в силах расстаться с такой неожиданной частичкой родины, и медленно побрела обратно, в свою золотую клетку, увидев за кустами блики света, игравшие на ятагане. Даже здесь одиночество было призрачно обманчиво.

Эмет

Сегодня Эмету снились кошмары. Один тяжелее другого. Каждую ночь, перед полнолунием, когда красная луна, полная и идеально круглая, медленно

выползала из-за горизонта, воспоминания разом приходили к нему во снах. Это была его слабость и его боль. Несколько капель настойки, выпитой на ночь – и снова можно было спать спокойно. Но сегодня он почему-то этого не хотел. За последние дни произошло столько всего... непредвиденного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ratnikova_dar-ya/edinstvennaya-dlya-vizirya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)